

Основываясь на сравнительном анализе текстов «путешествий» англичанок, можно выявить следующие общие черты:

1. Жанровая полисемия, заложенная в самой природе литературы путешествия
2. Взаимодействие документально-публицистических и художественно-беллетристических начал в воспроизведении действительности
3. Осложнение образа повествователя национальными чертами и литературными признаками
4. Присутствие образа дороги как главной сюжетобразующей линии
5. Многочисленные поэтические очерки и заимствования

В заключении можно сделать **вывод** о том, что «крымские» травелоги англичанок, которые принадлежали к околослитературным кругам, представляли собой классические образцы литературы путешествий. В них гармонично сочетались элементы художественности и документальности. Диапазон их восприятия был невообразимо широк: от пристального внимания к рукотворному миру, с его городами, торговлей и ремеслами, до идеализации природных ландшафтов, от объективного, полного достоверных фактов репортажа до субъективной картины мира.

Источники и литература

1. Литературный энциклопедический словарь/под редакцией В. Кожевникова, П. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. Rigby Elisabeth, Lady Traveller.: Quarterly Review, 1845
3. Кравен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году. – Москва, 1795.
4. Guthrie, Maria, A Tour performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the Peace of Kainardgi and Jassy, London: T. Cadell, Jun, and W. Davis, 1802
5. Holderness, Mary, New Russia: Journey from Riga to the Crimea by way of Kiev: with some account of the colonization and the manners and customs of the colonists of New Russia: To which are added Notes Relating to the Crim Tatars. – London, 1823.
6. Зябрева Г. А. Русский очерк рубежа XIX-XX столетий: жанровое своеобразие, пути развития // Вопросы русской литературы. – Вып. 9 (66). – 2003. – С. 53 – 79.
7. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма XVIII века, Сб. 15. – Л., 1986
8. Ищенко Н. А. Крымская война 1853-1856 годов. Очерки истории и культуры. – Симферополь. Крымский архив, 2002. – 128 с.
9. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. – Ч. 1. - СПб, 1803. – 226 с.
10. Kingsley Mary H. Travels in West Africa, Congo francais, Corisco, and Cameroons. – Boston.: Beakon, 1982
11. Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553-1815. – L., 1958
12. Куприяновский П. В. Проблемы изучения художественно-документальной литературы // О художественно-документальной литературе. Сб. 1/под ред. П. В.Куприяновского. – Иваново, 1972.

Кононенко Т.В.

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ П.И.ПЕСТЕЛЯ

Одним из идеологов декабризма является Павел Иванович Пестель, лидер Южного общества, автор «Русской Правды». С именем П.И.Пестеля связана вся история декабристских организаций. И.Д.Якушкин, один из активных членов декабристского движения, вспоминает: «Пестель всегда говорил умно и упорно защищал свое мнение, в истину которого он всегда верил, как обыкновенно верят в математическую истину; он никогда и ничем не увлекался. Может быть, в этом-то и заключалась причина, почему из всех нас он один в течение почти 10 лет, не ослабевая ни на одну минуту, усердно трудился над делом Тайного общества. Один раз доказав себе, что Тайное общество верный способ для достижения желаемой цели, он с ним слил свое существование»[1, с. 23]. Среди лидеров декабризма П.И. Пестель выступает как наиболее цельный и последовательный политик. Он – теоретик, идеолог декабристского движения, для которого приоритетом является разработка программных документов, комплекса первых реформ.

Цель статьи – представить и классифицировать идейные истоки мировоззрения П.И. Пестеля, определить степень их влияния на текст «Русской Правды».

Актуальность статьи обусловлена, в первую очередь, интересом к отечественной истории, к отечественной общественной мысли. Научно-практическое значение проблемы декабристского движения видится нам в изучении опыта борьбы идеологов декабризма и их идей. В конечном итоге эта проблематика трансформируется в одну из дискуссионных проблем – о роли личности в истории.

К сожалению, современные исследователи, в том числе и украинские, не проявляют должного интереса к истории декабристского движения. Мы вынуждены констатировать факт отсутствия современных значимых публикаций по проблеме декабризма. Наша статья – это попытка изменить ситуацию, вернуть в сферу активного обсуждения проблематику декабристского движения, в частности, Южного общества. Среди последних исследований, опосредованно связанных с нашей проблематикой, мы выделяем работы Г.В.Гребенькова (методика исследования: аксиологический подход), В.П.Заблудского (современный ли-

берализм, история либерализма), Д.Е.Музы (философия истории, русская философия), В.В.Шкоды (русская философия), И.А.Яли (проблема личности в истории, лидер и его функции).

Для начала необходимо поднять вопрос о библиотеке П.И.Пестеля. Одной из малочисленных работ, посвященных данному вопросу, является статья П.А.Зайончковского [2]. В ней анализируется список книг, в свое время принадлежащих декабристу. «История этого списка, – отмечает П.А.Зайончковский, – такова: после казни Пестеля в погашение числившейся за ним задолженности по Вятскому полку продавалось оставшееся после него имущество и в том числе книги, перевезенные к тому времени в Тульчин в штаб второй армии. 14 ноября 1826 г. дежурный генерал главного штаба 2-й армии запрашивает начальника главного штаба ген. Дибича о том, как поступить с книгами Пестеля, назначенными в продажу. На основании указаний главного штаба 30 ноября из Тульчина был направлен в Цензурный комитет министерства внутренних дел список книг без указания авторов, а также места и года издания. Цензурный комитет министерства внутренних дел, вполне понятно, не мог удовлетвориться подобным списком, и на основе его указаний штабу 2-й армии составляется новый список, с более подробным библиографическим описанием, хотя также далеко не полный. Этот второй список в декабре того же, 1826 г. был направлен начальником главного штаба 2-й армии ген. Киселевым в С.-Петербург, где после просмотра в Цензурном комитете был снова возвращен в штаб 2-й армии с указанием запрещенных изданий» [2, с.86].

В «Записках моего времени» Н.И.Лорера, близкого товарища П.И.Пестеля, встречаем следующее свидетельство: «Освоившись, обжившись в полку, я, проведя с Пестелем почти неразлучно два года до минуты, где нас судьба так жестоко разлучила, – и навсегда, – я узнал его коротко и могу сказать про него, что он был один из замечательнейших людей своего времени. Он жил открыто. Я и штабные полка всегда у него обедали. Квартиру он занимал очень простую – на площади, против экзерцицгауза, – и во всю длину его немногих комнат тянулись полки с книгами, более политическими, экономическими и вообще ученого содержания и всевозможные конституции. Зато я не знаю, чего этот человек не прочел на своем веку на многих иностранных языках...да и вообще чего, кажется, не сообразил этот человек, приравливаясь к русским нравам?» [3, с.344].

В каталоге, опубликованном П.А.Зайончковским, находится 64 названия. Исследователь указывает, что в основном это книги сравнительно небольшого объема. Исходя из данного факта и воспоминаний Н.И.Лорера, можно предположить, что библиотека П.И.Пестеля в полном объеме не сохранилась. П.А.Зайончковский полагает, что она была расхищена сразу после ареста декабриста. Из указанного списка литературы девять наименований признаны запрещенными и направлены в библиотеку Цензурного комитета, оставшаяся часть книг распродана в Тульчине.

Выскажем еще одно предположение о судьбе библиотеки П.И.Пестеля. Нас несколько смущает формулировка П.А.Зайончковского, что библиотека была расхищена. Возможно, сослуживцы П.И.Пестеля, наоборот, спасли часть библиотеки. Предположим, что определенные книги кем-то были оставлены как память о декабристе. Быть может, кто-то, исходя из своих симпатий, решил подстраховать П.И.Пестеля, изъяв из библиотеки часть запрещенной литературы. К сожалению, этот вопрос остается открытым. Мы вынуждены ограничиться лишь данными предположениями.

Не вызывает сомнения тот факт, что П.И.Пестель был умным, образованным, начитанным человеком. По-видимому, он действительно обладал хорошей библиотекой. Среди дошедших до нас книг находятся работы по политическим, социально-экономическим, правовым, философским, военно-стратегическим вопросам, среди авторов – И.Бентам, К.Гельвеций, Ш.Монтескье, А.Смит, Ж.-Б.Сэй. Обращает на себя внимание «*Constitutions des principaux états de l'Europe, et des Etats-Unis de l'Amérique, en 6 volumes (le troisième manq.) par la Croix. Paris. 1793*» («Конституции ведущих государств Европы и Соединенных Штатов Америки, в 6 томах (третий отсутствует) Круа. Париж. 1793»). То есть, П.И.Пестель действительно имел в своей библиотеке тексты конституций. Можно предположить, что они служили вспомогательным материалом для работы над «Русской Правдой», являли пример того, как надо писать конституцию, какими должны быть ее форма и структура. Думается, в библиотеке П.И.Пестеля были книги ведущих западноевропейских философов, историков, экономистов, работы по конституционному праву, книги по русской истории. Не вызывает сомнения тот факт, что все они оказали влияние на формирование взглядов лидера Юга.

По нашему мнению, следует выделить еще одну группу предполагаемых источников. Декабристы представляли не первое поколение российских реформаторов начала XIX века. Они учитывали знания и опыт людей, которые находились в ближайшем окружении Александра I и работали над проектами реформ его царствования. Такие люди, как Н.С.Мордвинов, Н.Н.Новосильцев, М.М.Сперанский, могли стать союзниками декабристов. А.Н.Пыпин, один из первых исследователей Александровской эпохи, пишет: «Они знали о соборах и думах, и их политические мечты иногда представлялись им как именно оживление старых преданий истории» [4, с.378]. По своим политическим взглядам и тактике проведения реформ данные либералы были ближе к более умеренному Северному обществу, близко знакомы с некоторыми Северянами. Предположительно, они знали о существовании тайных обществ, о том, что их кандидатуры рассматривались как вероятные в члены Временного правительства.

Мы не имеем свидетельств очного знакомства Н.С.Мордвинова, Н.Н.Новосильцева, М.М.Сперанского и П.И.Пестеля. К примеру, М.М.Сперанский мог по службе знать отца декабриста. Не вызывает сомнения тот факт, что П.И.Пестель, как и многие декабристы, был знаком с проектами преобразований М.М.Сперанского, поскольку именно с ним связаны первые реформы царствования Александра I. По-видимому, это знакомство состоялось в начальный период деятельности декабриста. В 1817 – 1819 годах П.И.Пестеля более занимает вопрос территориально-административного устройства, власти на местах, судебной, а не политической реформы, так как в это время декабристам представляется возможность ле-

гальной деятельности. Эта возможность могла быть связана и с именем Н.Н.Новосильцева, который в 1818 – 1820 годах занимается составлением российской конституции.

Как известно, все реформаторы Александровской эпохи терпят поражение. Период реформ сменяется реакцией. Неудача первых реформаторов оказывает непосредственное влияние на переход декабристов к тактике вооруженного восстания.

Не меньшим авторитетом для русского общества является имя Н.М.Карамзина, исторический труд которого становится важным событием в жизни многих декабристов, так как на обсуждение выносятся вопросы об истоках российской государственности, проблема монархической формы власти.

В первую очередь необходимо рассмотреть вопрос знакомства Н.М.Карамзина и П.И.Пестеля. К сожалению, прямых свидетельств в пользу положительного ответа на данный вопрос нет. Однако можно не сомневаться в заочном характере этого знакомства. Имя Сибирского Генерал-Губернатора Ивана Борисовича Пестеля, отца декабриста, было довольно известным в высших кругах. В одном из писем Н.М.Карамзина к другу И.И.Дмитриеву встречаем следующую фразу: «Еще добавлю: И.Б.Пестель едва ли останется Сибирским Г.Г. Ему, говорят, очень худо по истории каких-то Сибирских людоедов» [5, с.212]. Можно предположить, что Н.М.Карамзин слышан не только об Иване Борисовиче, но и о членах его семьи. Письмо датировано апрелем 1817 года, в это время П.И.Пестелю почти 24 года, и он успешно продвигается по службе. Не вызывает сомнения тот факт, что Пестели знают имя Н.М.Карамзина, названия и тематику его произведений. Но является ли П.И.Пестель читателем «Истории» и сколь эффективно для него это чтение?

Мы предполагаем, что идея названия конституции возникает при знакомстве декабриста с работой Н.М.Карамзина, так как в «Истории Государства Российского» частично представлен текст «Русской Правды» Ярослава. Это название символизирует идею преемственности и эволюции русского законодательства. Если П.И.Пестель знаком с «Историей», то, вероятнее всего, он работает с русскоязычным текстом, так как во время выхода первых томов увлечен идеей русификации. Необходимо отметить тот факт, что обращение к русской истории, к терминологии прошлого становится характерной чертой первых уставов декабристских организаций. Так, члены Союза Спасения, устав которого разрабатывает П.И.Пестель, разделяются на три группы: «Боляре», «Мужи», «братия», руководство обществом осуществляет «Соборъ боляръ» во главе со сменным «Старѣйшиной».

Интересно сравнить текст «Истории» со «Словниками» П.И.Пестеля к «Записке о Государственном Правлении». В «Словниках» мы встречаем ряд древнерусских терминов, часть из которых присутствует и в «Истории» Н.М.Карамзина. К примеру:

«Государственной Приказъ. – Министерство» [6, с.264].

«Дьякъ. – Секретарь» [6, с.264].

«Правительствующая Дума. – Комитетъ Министров» [6, с.264].

«Сенаторъ. – Бояринъ» [6, с.266].

«Генераль. – Воевода» [6, с.267].

«Гренадеръ. – Опричникъ» [6, с.267].

По-видимому, в работе над терминами П.И.Пестель использует несколько источников. В его текстах можно встретить слова, нехарактерные для лексики XIX века и работы Н.М.Карамзина:

«Дивизія. – Воеродъ» [6, с.266].

«Баталіонъ. – Ратоборъ» [6, с.266].

«Артиллерія» – «Бронометь» [6, с.239].

«Жандармы» – «Рынды» [6, с.251].

Предлагаю пару «Квартирмейстерской части» декабрист пишет: «Размысль: древнее слово, которое подобное же имѣло Значеніе и въ Старину [6, с.407]». Возможно, некоторые аналоги в парах П.И.Пестель придумал сам, например:

«Сабля. – Рубня» [6, с.409].

«Пика. – Дротъ. Тыкня» [6, с.409].

Идея русификации присутствует в нескольких работах П.И.Пестеля. Так, в «Записке о Государственном Правлении» он говорит о военной форме: «Что касается до красоты одежды то русское платье может служить тому примѣромъ» [6, с.255]. «Русская Правда» для многочисленных народов и народностей, населяющих Россию, утверждает необходимость обрусения и проповедь православия.

Как известно, одной из центральных проблем для Н.М.Карамзина и П.И.Пестеля является проблема функционирования и процветания государства. Оба сходятся во мнении о необходимости единого государства с сильной централизованной властью. Однако сторонниками какой формы власти являются Н.М.Карамзин и П.И.Пестель? Этот вопрос до сих пор остается открытым.

С нашей точки зрения, необходимо признать тот факт, что оба, и Н.М.Карамзин, и П.И.Пестель, рассматривают вопрос о власти на двух уровнях, теоретическом и практическом, исходя из реально существующих отношений. На первом уровне оба приходят к одному выводу: идеальной формой правления выступает республика. Она являет собой нравственный ориентир. Очевидно, что, придя к этому выводу, Н.М.Карамзин и П.И.Пестель должны задуматься о реальности республиканской формы правления в России. На этот вопрос Н.М.Карамзин дает однозначный отрицательный ответ. Он понимает, что смена политического строя в России произойдет насильственным путем, принесет волнения и возможно гражданскую войну, что в итоге лишь ослабит государство. Как историк Н.М.Карамзин знает, что многие успехи Российского государства связаны именно с монархической формой власти. Русский историк имеет перед собой пример сильной монархии, а не республики, с помощью которой решен территориальный вопрос,

проблема централизации государства. Машина самодержавия поглощает институты Новгородского и Псковского вече, через самодержавную власть Русь идет к возрождению своей государственности после татаро-монгольского ига. Уже не первое столетие правит династия Романовых, к которой принадлежат Петр I, Елизавета I, Екатерина II, чьи заслуги перед Отечеством неоспоримы. Их потомок Александр I, ставший либеральными взглядами, для Н.М.Карамзина представляет образ просвещенного монарха, чье правление несет благо государству и обществу. Русский историк выступает за мирный путь развития, за легитимный характер власти. В письме к И.И.Дмитриеву он пишет о восстании на Сенатской площади: «Вотъ нелѣпная трагедія нашихъ безумныхъ Либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ими не такъ много! [5, с.412]». Все эти положения объясняют на первый взгляд противоречивую фразу Н.М.Карамзина: «Не требую ни Конституции, ни *Представителей*, но по чувствамъ останусь республиканцемъ, и притомъ вѣрнымъ подданнымъ Царя Русскаго: вотъ противорѣчїе, но только мнимое!» [5, с.249].

Для большинства исследователей является аксиомой то, что П.И.Пестель в конце 1819 – начале 1820 года переходит на республиканскую позицию. Однако, он рассматривает республику, во-первых, как идеальную форму правления, во-вторых, как одну из потенциально возможных линий развития России. Парадоксальный факт: именно в решении вопроса о власти декабрист не всегда является последовательным в своих размышлениях и действиях. Интересно воспоминание И.Д.Якушкина о варианте конституции 1820 года: «В это время Пестель замышлял республику в России, писал свою «Русскую Правду». Он мне читал из нее отрывки и, сколько помнится, об устройстве волостей и селений. Он был слишком умен, чтобы видеть в «Русской Правде» будущую конституцию России. Своим сочинением он только приготавливался, как он сам говорил, правильно действовать в Земской думе и знать, когда придется, что о чем говорить [1, с.37]». К этому можно добавить противоречивые показания Северян о программе декабриста на Петербургском совещании 1824 года, отсутствие письменного текста с разработкой проблемы власти. Вероятно, многое зависело от реальной политической обстановки и авторитета П.И.Пестеля в тайном обществе.

В итоге акцентируем ряд положений. Лидер Юга проходит долгий и сложный путь эволюции взглядов. На него оказывают влияние как западноевропейские просветители и революционеры, так и российские реформаторы. «Русская Правда» имеет самобытный характер, поэтому вряд ли следует говорить о влиянии данных авторов и событий непосредственно на ее текст, однако необходимо признать это влияние на эволюцию взглядов декабриста в целом.

Источники и литература

1. Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 740 с., ил.
2. Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И.Пестеля // Историк-марксист. – 1941. – №4. – С. 86-89.
3. Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. – М.: Правда, 1988. – С.313-545.
4. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I. СПб.: Академический проект, 2000. – 560 с.
5. Письма Н.М.Карамзина къ И.И.Дмитриеву. – СПб: Типографія Императорской Академии Наукъ, 1866. – 483 с.
6. Восстание декабристов. Документы. Т.VII. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 692 с.

Рудницкая Е.С.

МОДЕЛЬ ЛЮБОВНО-АВАНТЮРНОГО РОМАНА В АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХАХ

Роман является наиболее популярным и часто исследуемым объектом в литературоведении. Вместе с тем имеется достаточно много неразрешенных вопросов, касающихся жанрового разнообразия романа, причин его возникновения и развития на протяжении долгого времени. Цель нашего исследования – показать, как развивается модель любовно-авантюрного романа с античности до византийской эпохи. Объектом нашего исследования стала жанровая разновидность романа - авантюрно-любовный роман и его модель, а предметом исследования – модельные тексты «Эфесская повесть, или Габроком и Антия» Ксенофонта Эфесского, «Левкиппа и Клитопонт» Ахилла Татия, «Эфиопика» Гелиодора, «Повесть об Исминие и Исминии» Евмафия Макремволита, «Повесть о Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана. В качестве гипотезы мы предлагаем структурную модель любовно-авантюрного романа, которую затем рассмотрим в этих двух эпохах. Она представляет собой следующее: исключительно красивые и целомудренные юноша и девушка брачного возраста неожиданно встречаются друг с другом на празднике. Любовь, вспыхнувшая мгновенно, не может быть сразу оформлена официально (препятствиями становятся похищение невесты, несогласие родителей, нападение пиратов и т.д.). Влюбленные странствуют по свету, разлучаются и вновь встречаются по несколько раз, причем в промежутках их могут брать в плен и сажать в тюрьмы, на их свободу и невинность покушаются пираты и разбойники, властители и их слуги. Большую роль играют вещие сны и гадания, предсказания оракулов и предчувствия самих героев. Часта мнимая смерть одного из главных героев, но в итоге влюбленные воссоединяются в счастливом браке на радость родителям.

«Структурный подход к литературному произведению подразумевает, что тот или иной «прием» рассматривается не как отдельная материальная данность, а как функция с двумя, или чаще многими, образующими. Художественный эффект «приема» — всегда отношение, например, отношение текста к ожида-